

Легенда о призвании варягов и проблема легитимности власти
в раннесредневековой историографии

Цель данной работы — предложить новое «параллельное место» для содержащейся в Повести временных лет легенды о призвании варягов на княжение в славянские земли. Отправной точкой для нашего исследования послужили работы Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина [Мельникова, Петрухин 1995; Петрухин 1995], обобщающие предшествующую традицию изучения легенды и предлагающие ее новую трактовку, основанную на методах сравнительного литературоведения, мифологии и фольклористики.

С одной стороны, сюжет из средневековой ирландской литературной традиции, который мы надеемся представить как параллельный легенде из ПВЛ, может быть сочтен еще одним доказательством правильности концепции Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина, полагающих, что количество подходящих для сравнения с легендой текстов практически бесконечно, поскольку в их основе лежит некая типологическая универсалия, свойственная жанру мифологизированной историографии (или, если речь идет о фольклорных текстах, мифологической истории). С другой стороны, принимая в целом предложенный исследователями метод поиска параллелей к сюжетам ПВЛ, мы, однако, не можем согласиться с некоторыми методологическими импликациями, содержащимися в их построениях. Нам представляется, что использованный авторами способ отбора параллельных сюжетов и мотивов является слишком некритичным и что по этой причине приведенный в [Мельникова, Петрухин 1995] и [Петрухин 1995] перечень примеров, заимствованных из самых разных традиций (от Великобритании до Кореи), нуждается в корректировке. Также нам не кажется убедительным предложенное исследователями разделение легенды на «мифологическую» и «историческую» части на основании использования в нарративе древнерусской юридической

лексики — такого рода разделение при отсутствии внешних исторических данных является весьма гипотетическим, но при этом оно, как мы попытаемся показать, противоречит принятой самими авторами методологии и не подтверждается сравнительным материалом.

Перед тем как вводить новый сравнительный материал, рассмотрим предложенные ранее параллели. В работе Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина основанием для сравнения легенды о призвании варягов с текстами из иноязычных традиций служит следующий тезис: «...легенда [о призвании], в отличие от других преданий ПВЛ, близка к этиологическому сказанию, т. е. мифу о возникновении некоей культурной ценности: она объясняла происхождение существовавшей во времена хрониста (в конце XI — начала [sic] XII в.) государственной власти, которая, как это свойственно средневековой историософии, отождествлялась с правящей династией, и тем самым отвечала на вопрос „откуда есть пошла Русская земля“» [Мельникова, Петрухин 1995: 47–48]. Соединяя устные предания с общей исторической рамкой, заимствованной из Ветхого Завета и основанных на нем исторических сочинений (Павла Орозия, Григория Амартола и других), «русский летописец, как и западноевропейский хронист, совершал переход от фольклора к истории, или, точнее, от эпической истории (квазиистории) к историографии» [Мельникова, Петрухин 1995: 48]. В данном случае в качестве основы для сравнения избирается западноевропейский материал: «Сказание об обретении государственности/династии представлено в европейских памятниках двумя подчас сочетающимися в одном тексте основными вариантами, которые можно условно назвать призванием и переселением...» [Мельникова, Петрухин 1995: 49], — далее подробно анализируется первый вариант.

Сначала исследователями задается список анализируемых текстов: «Мотив призвания властителя прослеживается во многих традициях: римской (передача власти Ромулу и Рему), западнославянской (приглашение на престол Пшемысла у Козьмы Пражского), англо-саксонской (приглашение вождем бриттов Вортигерном двух братьев-саксов Хенгиста и Хорсы)» [Мельникова, Петрухин

1995: 49]. Затем описываются отличительные признаки сюжета о призвании (здесь терминологически спорно называемого *мотивом*): «На фабульном уровне этот мотив образован следующими элементами: 1. Преамбула. Обоснование необходимости приглашения чужеземцев — описание неустойчивости, неупорядоченности или просто отсутствия власти... 2. Обращение к иноплеменникам или поиски кандидата в правители представителями местной власти или „народом“. И в том и в другом случае личность будущего правителя неизвестна... 3. Прибытие приглашенных правителей или нахождение будущего правителя (как правило, ребенком), по знаменьям или другим приметам. <...> 4. Заключение договора местной властью с приглашенными правителями, содержащего условия передачи власти... 5. Реализация условий договора или события правления, своего рода „геста“ нового правителя. <...> 6. Сосредоточение власти в руках одного из призванных правителей (в результате смерти другого или других) и установление преемственности правления, т. е. собственно основание династии...» [Мельникова, Петрухин 1995: 49].

Общее положение Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина о том, что раннеисторические описания склонны иметь в своем составе этиологическую легенду о происхождении династии, сложно опровергнуть, однако представленный ими перечень традиций, содержащих «сюжет о призвании», если основываться на предложенных самими исследователями критериях выделения этого сюжета, вызывает большое количество вопросов. Рассмотрим традиции по очереди:

Римская традиция — история Ромула и Рема у Тита Ливия. Очевидно, что: 1. Настоящим основателем династии римских царей является не Ромул, а Эней. Ромул и Рем по рождению — законные правители. 2. Их не призывают — они насильно возвращают власть своей — старшей — ветви династии и передают ее своему деду. 3. Восстановив Нумитора в Альбе Лонге, братья уходят, чтобы основать новый город, — нет ни «договора с местной властью» и «его реализации».

Чешская традиция — Хроника Козьмы Пражского. Найденный по указаниям провидицы и затем призванный послами Пшемьсл не заключает договора с местной знатью, но вступает в брак с исконной местной правительницей. Чешский сюжет оказывается ближе всего к описанной в работе Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина схеме, однако он имеет в целом скорее сказочно-мифологический, чем эпико-исторический колорит, в то время как «эпическая история», с точки зрения исследователей, «сохраняет... историческое правдоподобие в целом и достоверность отдельных реалий» [Мельникова, Петрухин 1995: 50]. Кроме того, как отмечает сам В.Я. Петрухин [Петрухин 1995: 119], описанный в тексте Козьмы переход от правления судей к правлению царя напоминает аналогичный сюжет Священной Истории, а мотив призвания пахаря может иметь книжные античные истоки.

Традиция об англо-саксах. Привлечение сюжета о неудачном призвании англо-саксов бриттами и последующем воцарении пришельцев на острове — традиционная тема историографии ПВЛ (в первую очередь благодаря словесным параллелям между текстом летописи и писаниями Видукинда Корвейского, о чем ниже), однако надежных оснований для сопоставления этого предания и легенды о призвании варягов нет. Нигде в источниках, рассказывающих о появлении англо-саксов в Великобритании, мы не видим указаний на *призвание правителя*: и у Гильды Премудрого, и у Беды Достопочтенного, и у Ненния, и у Видукинда Корвейского, и у Гальфрида Монмутского речь идет о призвании военного отряда для защиты от разбойников. Более того, ни у Гильды, ни у Беды, ни у Ненния, ни у Видукинда, ни у Гальфрида нет идеи о том, что захватчики основали новую законную династию. (Необходимо отметить, в частности, что сюжет о призвании англо-саксов имел активное хождение в бриттской среде и прямо связан с зарождением образа короля Артура — легендарного воина, который остановил натиск саксов и изгнал их с острова.)

Рассмотрим более подробно то, как сюжет о призвании отражается в «германских» источниках: «Церковной истории народа англов» Беды

достопочтенного и «Деяниях саксов» Видукинда Корвейского. В XV главе Первой книги своей Истории Беда сообщает:

«...народ англов или саксов, приглашенный Вортигерном, приплыл в Британию на трех кораблях и получил место для поселения в восточной части острова, будто бы собираясь защищать страну, хотя их истинным намерением было завоевать ее. Сначала саксы сразились с врагами, нападавшими с севера, и одержали победу. Известия об этом вместе со слухами о плодородии острова и о слабости бриттов достигли их родины, и вскоре оттуда отплыл много больший флот со множеством воинов, которые соединились с теми, кто уже был на острове, в непобедимую армию. <...> Не так давно упомянутые народы хлынули на остров, и вот уже число пришельцев возросло настолько, что они начали наводить ужас на призвавших их местных жителей. Внезапно они заключили временное перемирие с пиктами, которых до этого разбили и прогнали, и повернули оружие против своих союзников. Сначала они заставили бриттов снабдить их большим количеством пищи, потом же, ища предлога для ссоры, потребовали еще припасов, угрожая иначе разорвать договор и опустошить весь остров. И они не замедлили исполнить свои угрозы; поистине, огонь, зажженный руками язычников, стал мщением Божиим тому погрязшему в грехе народу...» ([Hist.: XV], пер. В. Эрлихмана).

Разграбив Британию, англо, саксы и юты уходят, чтобы потом снова вернуться, но потерпеть поражение, — затем начинается постепенный процесс завоевания ими земель бриттов, который ко времени написания «Церковной истории» в VIII в. еще далеко не был завершен: сохраняли независимость не только королевства Уэльса, но и бриттские государства на севере Великобритании.

В этом повествовании мы не видим элементов, которые позволили бы сравнивать его с легендой о призвании варягов в ПВЛ. Однако они появляются в тексте «Деяний саксов» Видукинда Корвейского, написанных два века спустя и отчасти основанных на труде Беды. Рассмотрим соответствующий отрывок: истощенные нападениями скоттов и пиктов бритты отправляют послов к саксам, славным своими военными победами. Бриттские послы обращаются к

ним со следующими словами:

«Optimi Saxones, miseri Bretti crebris hostium incursionibus fatigati et admodum contriti, auditis victoriis a vobis magnifice patratis, miserunt nos ad vos, supplicantes, ut ab eis vestra auxilia non subtrahatis. **Terram latam et spatiosam et omnium rerum copia refertam** vestrae mandant ditioni parere. Sub Romanorum hactenus clientela ac tutela liberaliter viximus; post Romanos vobis meliores ignoramus, ideo sub vestrae virtutis alas fugere quaerimus»¹ [Kehr 1904: 8].

Сообщенный Бедой факт обращения бриттов за помощью к саксам в соответствии с требованиями средневековой латинской риторики «амплифицируется»: добавляются, с одной стороны, указания на могущество и великие деяния саксов, а с другой — описание страны бриттов, «земли широкой и пространной и насыщенной всяческим изобилием». В соответствующем пассаже у Беды не говорится о том, что бритты нахваливали свой остров перед наемниками, однако слова о плодородии Британии являются в «Церковной истории» общим местом; также обращает на себя внимание плеоназм *terram latam et spatiosam*. Вполне вероятно, что он был заимствован Видукиндом — причем именно в этом падеже — из языка латинского Писания. В Книге Исайи по версии Вульгаты мы читаем: «...coronans coronabit te tribulatione quasi pilam mittet te **in terram latam et spatiosam**» (Is 22:18, «Свернув тебя в сверток, бросит тебя, как меч, в землю обширную»).

Далее, описав прибытие саксов в Британию, Видукинд пишет:

«Ut autem viderunt principes exercitus terram latam ac fertilem et incolarum manus ad bellandum pigras, se vero ac maximam partem Saxonum sine certis sedibus, mittunt ad

---

¹ «Благородные саксонцы, несчастные бритты, истомленные жестокими нападениями врагов и лишенные последних сил, услышав о блестяще одержанных вами победах, послали нас к вам, умоляя, чтобы вы не лишили их своей помощи. Землю широкую и пространную и насыщенную всяческим изобилием они поручают нам вверить вашему управлению. До сих пор мы привольно жили под покровительством и охраной римлян; после римлян мы не знаем никого, кто был бы лучше вас, и поэтому стремимся скрыться под крыльями вашей доблести» (здесь и далее перевод текста Видукинда наш).

revocandum maiorem exercitum...»² [Kehr 1904: 8].

Здесь мы уже явно видим отзвук слов Беды:

«Quod ubi domi nuntiatum est, simul et insulae fertilitas, ac segnitia Brettonum; mittitur confestim illo classis prolixior, armatorum ferens manum fortiolem, quae praemissae adiuncta cohorti inuincibilem fecit exercitum»³ [Hist.: XV].

Fertilitas insulae заменяется на *terram latam ac fertilem*, что отчасти повторяет образ из речи бриттских посланцев, а отчасти — выражение Беды.

Целью нашего отступления было показать, что сюжет о призвании англосаксов в Великобританию в проанализированных текстах ни на мотивном или идеологическом, ни на чисто вербальном уровне не может быть объяснен как эпифеномен типологически общего «сюжета о призвании правителя». Нам не кажется убедительной гипотеза о том, что легенда о призвании была занесена на Русь беженцами из Англии времен норманнского завоевания [Stender-Petersen 1953: 254], однако отвергать эту точку зрения попросту на том основании, что «мотив призвания слишком распространен» [Мельникова, Петрухин 1995: 56], невозможно.

В результате нашего анализа мы вынуждены заключить, что ни одна из предложенных в [Мельникова, Петрухин 1995] параллельных версий легенды о призвании варягов не является параллельной в сколько-нибудь точном смысле слова. В качестве инварианта мы видим лишь мотив появления в отягощенной неурядицами стране правителя, происходящего из-за ее пределов; а если использовать также текст Тита Ливия, то инвариант оказывается пустым. Столь же нечеткими выглядят и параллели, предложенные в [Петрухин 1995]:

---

2 «Когда же вожди отряда увидели, что земля широка и плодородна, а руки островитян неохотливы для битвы, в то время как они сами, подобно большей части саксов, не имели надежного места обитания, они отправили послов, чтобы призвать еще больший отряд».

3 «Известия об этом [о победе над врагами бриттов — Д.Н.] вместе со слухами о плодородии острова и о слабости бриттов достигли их родины, и вскоре оттуда отплыл много больший флот со множеством воинов, которые соединились с теми, кто уже был на острове, в непобедимую армию» (перевод В. Эрлихмана).

эрзянские предания, повествующие, о том, как совет старейшин избирает достойного правителя для мордовского народа, и корейская легенда о призвании в правители «достойного духом мужа». Рәсе В.Я. Петрухин, эти сопоставления никак нельзя называть «разительными параллелями легенде о призвании варягов», которые «подтверждают ее фольклорные истоки и делают неубедительными любые (не основанные на прямых текстологических изысканиях) предположения об искусственности легенды» [Петрухин 1995: 120]. Безотносительно параллелей как таковых, необходимо отметить, что последнее утверждение является методологически некорректным: использование отдельных фольклорных мотивов и даже их комбинаций не может быть признаком не-искусственности того или иного текста. Любое создание повествования, в том числе исторического, предполагает сознательное или бессознательное использование уже фигурирующих в литературной или устной традиции мотивов; создать новый мотив в принципе чрезвычайно трудно, и тенденциозные исторические тексты обычно похожи друг на друга больше, чем сравнительно объективные. Схожие противоречия, связанные с неправильным использованием методологии сравнительного литературоведения и сравнительной фольклористики, присутствуют и в концепции Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина об «историческом ядре» легенды о призвании, однако перед тем как рассмотреть этот вопрос, мы попытаемся предложить еще одну параллель преданию из ПВЛ.

Одним из древнейших надежно датированных произведений средневековой ирландской литературы является текст VII в., находящийся на рубеже юридического и гномического жанров, — ирландское *speculum regum* «Поучение Мбрана» (наиболее авторитетное издание — [Kelly 1976]), где мудрый судья Моран наставляет короля Фэредаха Светло-удачливого в том, как необходимо управлять своим королевством. Центральным концептом этого поучения является *fír flatheman* — «правда властителя», которой противопоставляется *gó flatheman* — «ложь властителя»:

«Ar is tria fhír flatheman condat- túatha móra -midet[h]ar

<...>

Is tria fhír flatheman cach recht rán, cach lestar lán inna fhlaith

Is tria fhír flatheman [foss], sláne, síd, subaigi, sám[a]e, soad, sothocath, somaíne, sádaile, slánchride

<...>

Is tria fhír flatheman sína caíni cach tremisi téchtaidi do-cengat. Gaim caín coisnech, errach úrim gáethach, sam t[ur f]rossach, fogomar druchtach co[m]trom. Ar is gó flatha do-ber sína saeba for túatha cláena, co[n]-sega talman torad» [Kelly 1976: 60–62].

«Ибо благодаря правде правителя он управляет великими королевствами...

Благодаря правде правителя каждый закон благороден, каждый сосуд полон в его правление

Благодаря правде правителя — стабильность, здоровье, мир, радость, спокойствие, достаток, удача, выгода, отдых, полнота сердца...

Благодаря правде правителя приходит хорошая погода в каждый сезон: спокойная и холодная зима, сухая и ветреная весна, сухое и дождливое лето, ровная осень с обильной росой. Ибо из-за лжи правителя на [земли] неправедных народов приходит плохая погода, которая высушивает плоды земли» (перевод наш).

Основой «правды правителя» является его способность выносить справедливые решения при судебных разбирательствах. Сага королевского цикла «Разрушение дома Да Дерга» [Knott 1936; Мифы и предания: 102–127] рассказывает о судьбе короля Конаре, помиловавшего разбойников, среди которых были его родственники. Неправедное решение привело к неурожаю и общей нестабильности в королевстве. В конечном итоге потерявший сакральную санкцию на власть Конаре погибает от рук высадившихся на побережье пиратов. Подобное нарративное разворачивание концепта правды правителя в ирландской традиции не редкость, однако обычно оно концентрируется на фигуре самого короля. Действия его подданных оказываются лишь внешним стимулом, в реакции на который и проявляется склонность к «правде» или «лжи». Таким образом, вопрос о должной реакции

подданных на те или иные действия их короля, в нарративах обычно не ставится — исключением является нарративное предисловие к «Поучению Морана», где рассказывается о том, чем знаменит Моран и как он связан с Фередахом (издание — [Thurneysen 1917]). В этом повествовании короли играют по большей части пассивную роль, а главными героями оказываются их подданные, решившие взять власть в свои руки.

Рассматриваемый текст представлен в некоторых рукописях, содержащих «Поучение», и состоит из двух частей: среднеирландского стихотворного нарратива (предположительно X–XI вв., по первой строке — «Благородные роды всей Ирландии...») и более позднего прозаического обрамления, которое, по-видимому, является расширенным комментарием к стихотворному тексту. Приведем русский перевод поэмы:

1. Благородные роды всей Ирландии,
они [все] были убиты одним человеком,
кроме трех сыновей — ясное деяние, —
они убежали от Корпре.

2. Беременные [женщины] убежали от него на восток —
их матери, этих сыновей,
так что [сыновья] родились там, в восточной стране,
после того как [их матери] прибыли в Шотландию.

3. Фередах Прекрасно-удачливый Ирландский,
Корв Голоухий из великого Мунстера
и Типраде Обильный Землями там —
вот их прозвища.

4. Дочь короля Шотландии без упрёка,
была она матерью Фередаха,
Бане, таково было имя женщины,
[это была] дочь Луата сына Дареры.

5. Круве, дочь сверкающего Гартниа,
она захватила бриттов с этой победой,
[это] мать Корва Голоухого без упрёка,
ее потомки живут в Мунстере.

6. Дочь короля саксов — это не мало —
мать могучего Типраде.
Ане ее имя при бегстве,
окруженная служанками дочь Камдала.

7. Устроили они прекрасный совет,
вассалы Ирландии в то время,
ибо [было] им лишение всяким способом:
зерна, молока, плодов деревьев и других растений.

8. На этом совете они решили —
[было] у них раскаяние в том, что они совершили, —
[Отправить] зов к сыновьям — ясное деяние, —
чтобы поставить их верховными королями.

9. Они твердо дали поручительство,
вассальные племена Ирландии,
по воле сыновей, которые были на востоке,
лишь бы те вернулись из Шотландии.

10. Вот залого, которые они дали тогда:
небо, земля, прекрасное солнце —
[в том, что все будет] по их воле от горы до горы,
покуда сохраняется море вокруг Ирландии.

11. Конн, Эоган, благородный Араде,
они — потомки трех вождей.
Араде — в Эмайн без упрёка,
Конн-ста-битв — в Таре.

12. Эоган — в Кашеле королей,
там остался его род.
Так что с ними, здесь и там,
знающий сопоставляет каждый благородный род.⁴

Приведем некоторые подробности из прозаической версии, в целом повторяющей стихотворный текст:

Был великий ропот среди вассальных племен Ирландии во время [правления] трех королей Ирландии: Фиаху Финнолаха, Фега сына Фидега Кайха и Бреса сына Ферва. <...> Были велики и непереносимы тяжесть налога, и размер подати, и твердость правления этих трех королей для вассальных племен Ирландии. Вассальные племена сочли это за зло: их разум был [сосредоточен] на размере податей, которые были [наложены] на них, и тяжести своего служения, ибо благородные роды повелевали землями, в которых они жили. Вассальные племена устроили собрание в одном месте, чтобы прийти к соглашению. <...> Вот замысел, который они придумали тогда: устроить пир в доме Корпре-головой-кошки, т. е. в заезжем доме сына Да-Рео в Бревне, и пригласить господ посетить их, и убить их, чтобы власть была у них самих. <...> Вырвались тогда потоки через двери заезжего дома, так что юноши плавали в них, так как было достаточно крови, чтобы плавать. <...> Не давала же земля свои плоды вассалам после великого несправедного убийства, которое они совершили по отношению к благородным родам Ирландии, и был великий голод среди мужей Ирландии, так как не было еды от земли, ни даров леса, ни рыбы в устьях рек, ни молока у коров, ни

---

4 Оригинальный текст (по [Thurneysen 1917: 56–57]):

1. Soerchlanda Erenn uile / ro-marbtha la oenduine / acht na tri maic monar ngle / at-rullatar o Choirpre.
2. Torrcha at-rullatar uadh sair / a maithreacha na mac sin / conid and ructha is tír thair / íar ríachtain doib i n-Albain.
3. Feradach Find Fechtach Fail / Corb Aúilom a Mumain mair / is Tipraite Tírech thall / it é sin a comanmann.
4. Ingen ríog Alban cen ail / ba sí mathair Feradaig / Bane ba hed ainm na mna / ingen Luaith meic Darera.
5. Crufe ingen Gartníat gluair / ro-gab Bretnu cosin mbuaid / maithir Coirb Auloim cen ail / as a sil fil i Mumain.
6. Ingen ríog Saxan ní sneid / maithir in Tipraite thréin / Ane a ainm oca a taig / ingen cuinde Cainídail.
7. Do-ronsat comairli cain / athig Erenn in tan sin / uair tallad forro as cach mud / ith blicht mes oculus torud.
8. 'Sí comairle ro-chinnset / aithrech léo aní ro-millset / togairm na mac monar nglé / dia n-oirdned i n-airdrige.
9. Do-ratsat ratha co tenn / atechthúatha na hÉrenn / im réir na mac batar tair / acht co-tístais a hAlbain.
10. It é ratha tucsat ind / nem talam éasca grian grind / immo reir a beinn i mbeinn / cein maras muir im Erinn.
11. Cond Eogan Araide an / it é ciniud na tri mál / Araide i n-Emain cen ail / Cond Cétchthach i Temair.
12. Eogan i Caisiul na rig / is and tarastar a shil / conid fríu sin síu is tall / samlas in suí cach soerchland.

правильной погоды.

После того Корпре умер, и мужи Ирландии предложили королевство его сыну Морану. Моран же сказал, что тот не может принять его, потому что оно не принадлежит ему по праву. «Что же нам делать?» — спросили они. «Я знаю, — сказал Моран. — Те, у кого есть право, — это три наследника Ирландии, которые находятся в Шотландии: Фередах Светло-удачливый, Корв Голоухий и Типраде Обильный Землями. Пусть к ним пойдут, чтобы вручить им королевство, потому что им оно принадлежит по праву». — «Так будет правильно», — сказал каждый.
<...>⁵

Далее вернувшиеся короли заключают с вассальными племенами договор, и те приносят те же клятвы, что и в поэме. Стихотворный текст вводится в конце прозаического повествования словами: «Об этом спел знаток старины»⁶.

Схематически изложенный в предисловии к «Завещанию Морана» сюжет можно представить в следующем виде:

1. Группа племен находится в зависимости от элиты, не происходящей из их среды. («Вассальные народы», упоминаемые в тексте, представляют собой небольшие племенные образования, лишившиеся в результате исторических перипетий собственного короля и находящихся в подчинении у короля другого племенного образования, которому они обязаны выплачивать дань.)

2. Испытывая недовольство существующим положением, вассальные племена свергают элиту, которая оказывается почти полностью уничтоженной, за исключением трех беременных женщин, которые сбегают из Ирландии за море, в Шотландию.

---

5 Оригинальный текст и немецкий перевод см. [Thurneysen 1917: 60–69].

6 Первоначально на этой точке — вернувшиеся принцы делят Ирландию на три части и становятся родоначальниками королевских родов — сюжет, по-видимому, заканчивался, однако впоследствии аналогичные мотивы (бегство за море от взбунтовавшихся подданных, которые оказываются неспособны собой управлять, и победоносное возвращение) начинают связываться с еще одним королем, Туаталом Техтваром. В некоторых рукописях к истории о Фередах, Типраде и Корве добавляется послесловие, в котором говорится, что Фередах, ставший верховным королем, начал жестоко мстить своим подданным за убийство отца, притеснял их и был в конце концов ими убит и в этот момент за море сбегает представитель королевского рода Туатал. Подробнее см. [Thurneysen 1917: 60].

3. Оставшиеся без законного правителя вассальные народы пытаются управлять собой самостоятельно, но природа наказывает их за содеянное: «... [было] им лишение всяким способом: зерна, молока, плодов деревьев и других растений».

4. Какое-то время прожив в таком состоянии (пока был жив инициатор мятежа Корпре-голова-кошки), вассальные племена раскаиваются в содеянном, собирают совет и решают искать себе правителя, который будет принят землей Ирландии. Мудрый судья Моран отказывается принять власть для своего сына и говорит, что необходимо вернуть власть законным властителям — отпрыскам истребленных благородных родов, чьи матери бежали в Шотландию.

5. Отправленные за море послы призывают принцев прибыть в Ирландию.

6. Между принцами и вассальными племенами заключается договор.

7. Новые короли делят Ирландию между собой на три части и становятся предками ирландских правящих родов.

Как нам представляется, сюжет легенды о призвании варягов в Повести временных лет без остатка раскладывается на те же структурные элементы:

1. Группа племен находится в подчинении у элиты, не происходящей из их среды (далее приводятся соответствующие отрывки по Ипатьевской, Лаврентьевской и I Новгородской летописям):

Ип.: В лѣтѣ . ꙗꙑ . тꙑꙑꙑ . имаху дань Варязи . приходяще изъ заморѣѣ . на Чюди . и на Словѣнехъ . и на М(е)рѣхъ . и на всѣхъ Кривичахъ . и а Козаре имахуть на Поланѣхъ . и на Сѣверехъ . и на Вѣтичихъ . имаху по бѣлѣ . и вѣверици . тако ѿ дыма

Лав.: Въ лѣтѣ . ꙗꙑ . т . ꙑ . ꙑꙑꙑ : [И]маху В дань Варязи изъ заморѣѣ . на Чюди и на Словѣнехъ . на Мери . и на всѣхъ Кривичѣхъ . а Козари имаху на Поланѣхъ . и на Сѣверѣхъ и на Вѣтичѣхъ . имаху по бѣлѣи вѣверицѣ ѿ дыма

I Нов.: Въ времена же Кыева и Щека и Хорива новгородстии людие, рекомии Словени, и Кривици и Меря: Словенѣ свою волость имѣли, а Кривици свою, а Мере свою; кождо своимъ родомъ владыше; а Чюдѣ своимъ родом; и дань даяху

Варягомъ от мужа по бѣлѣи вѣверици; а иже бяху у них, то ти насилье дѣяху
Словеномъ, Кривичемъ и Мерямъ и Чюди.

2. Испытывая недовольство существующим положением, вассальные народы свергают элиту и прогоняют ее за море:

Ип.: В лѣто . 857 . г . бѣ И изгнаша Варягы за море . и не даша имъ дани

Лав.: [В лѣт . 857 . г . бѣ.] Изгнаша Варяги за море и не даша имъ дани

И Нов.: И всташа Словенѣ и Кривици и Меря и Чюдъ на Варягы, и изгнаша я за море.

3. Оставшиеся без законного правителя вассальные народы пытаются управлять собой самостоятельно, но не имеют в этом успеха:

Ип.: и почаша сами в собѣ володѣти . и не бѣ в нихъ правды . и вѣста родъ на ро^{дѣ} .
и быша оусобицѣ в нихъ . и воевати сами на ся почаша

Лав.: и почаша сами в собѣ володѣти . и не бѣ в нихъ правды . и вѣста родъ на
родъ . [и] быша в нихъ усобицѣ . и воевати почаша сами на ся

И Нов.: и начаша владѣти сами собѣ и города ставити. И всташа сами на ся
воевать, и бысть межю ими рать велика и усобица, и всташа град на град, и не
бѣше в нихъ правды.

4. Какое-то время прожив в таком состоянии, вассальные народы собирают совет и решают искать себе правителя:

Ип.: и ркоша поищемъ сами в собѣ княза . иже бы володѣлъ нами и радиль . по
раду по праву

Лав.: [и] рѣша сами в себѣ . поищемъ собѣ княза . иже бы володѣлъ нами . и
судиль по праву

И Нов.: И рѣша к себѣ: князя поищемъ, иже бы владѣлъ нами и рядиль ны по
праву.

5–6. Отправленные за море послы призывают изгнанных правителей

вернуться (как и в ирландском тексте, изгнанный правитель и приглашенный правитель не одно и то же лицо, но принадлежат к одной общности). В тексте ПВЛ в этом же пункте имплицитно, через прямую речь послов (да поидете княжи^т и володѣть), возможно, упоминается заключение договора:

Ип.: идоша за море к Варяго^м . к Руси . сїце бо звахуть . ты Варягы Русь . аѿко се друзии зовутса Свее . друзии же Оурмани. Аньглане . инѣи и Готе. тако и си ркоша . Русь . Чюдъ . Словенѣ . Кривичи . и вса земля наша велика . и вбилна . а нарада въ ней нѣтъ . да поидете княжи^т и володѣть нами

Лав.: [и] идаша за море къ Варягомъ к Руси . сїце бо са звахуть и . варязи суть . аѿко се друзии зьвутса Свое . друзии же Оурмане . Аньглане друзии Гѣте . тако и си рѣша . Русь . Чюдъ [и] Словѣни . и Кривичи. вса земля наша велика и вбилна . а нарада в ней нѣтъ . да пойдѣте княжить и володѣти нами

І Нов.: Идоша за море к Варягомъ и ркоша : земля наша велика и обилна, а наряда у нас нѣту; да пойдѣте к намъ княжить и владѣть нами.

7. Новые правители делят страну между собой на три части; далее только один из них становится основателем династии, но все они в целом дают стране новое имя:

Ип.: и избрашася . трие брата . с роды своими . и поѣша по собѣ всю Русь . и придоша къ Словѣномъ пѣрвѣе . и срубиша горо^д Ладогу . и сѣде старѣишии в Ладозѣ Рюрикъ . а другии Синеоусъ на Бѣлѣвзерѣ . а третѣи Труворъ въ Изборьскѣ . и ѿ тѣхъ Варягъ . прозвася Рускаѣ земля. по дѣвою же лѣту . оумре Синеоусъ . и братъ его Труворъ . и приѣ Рюрикъ власть всю ѿдинъ . и прише^д къ Ильмерю . и сруби горо^д надъ Волхово ѿ . и прозваша и Новъгоро^д . и сѣде ту княжѣ . и раздаѣ мужемъ своимъ волости . и города рубити . ѿвому Польтескъ . ѿвому Ростовъ . другому Бѣловзеро. и по тѣмъ городомъ суть находницѣ . Варязи

Лав.: и избрашася . г . братьѣ . с роды своими . [и] поѣша по собѣ всю Русь . и придоша старѣишии Рюрикъ [сѣде Новъгородѣ] . а другии Синеоусъ на Бѣлѣвзерѣ . а третии Изборьскѣ . Труворъ . [и] ѿ тѣхъ [Варягъ] прозвася Рускаѣ земля Новугородьци ти суть люде Ноугородьци ѿ рода Варяжска . преже бо бѣша Словѣни . по дву же лѣту . Синеоусъ оумре . а братъ его Труворъ . и приѣ

власть Рюрикъ . и раздаѣ мужемъ своимъ грады . ввому Полотескъ ввому Ростовъ другому Бѣловзоро . и по тѣмъ городомъ суть находници Варязи.

I Новъ: Изъбрашася 3 брата с роды своими, и пояша со собою дружину многу и предивну, и приидоша к Новугороду. И сѣде старѣишии в Новѣгородѣ, бѣ имя ему Рюрикъ; а другыи сѣде на Бѣлѣозерѣ , Синеусъ ; а трети въ Изборскѣ , имя ему Труворъ. И от тѣх Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Русь, и от тѣх слово Руская земля; и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжска. По двою же лѣту умре Синеусъ и брат его Труворъ, и прия власть единъ Рюрикъ, обою брату власть, и нача владѣти единъ.

На наш взгляд, приведенный выше ирландский текст является более близкой параллелью к летописному преданию о призвании варягов, чем любые ранее предлагавшиеся варианты. Следуя методологии, предложенной А.Н. Веселовским, мы предполагаем, что если совпадение каждого из проанализированных мотивов — мотивом мы в данном случае считаем русско-ирландский инвариант любого из семи пунктов — может быть результатом параллельного развития традиции, то совпадение комплекса мотивов (т. е. цельного четко выделяемого сюжета) с большой вероятностью свидетельствует о связи между двумя традициями.

Вопрос об истолковании данного сходства — через общее индоевропейское наследие, бродячие сюжеты, неустановленный письменный источник или возможные прямые контакты доисторических кельтов и славян — является чрезвычайно сложным и в данном случае, по-видимому, принципиально неразрешимым. Так же неясно, каким образом это сходство должно влиять на наше восприятие текста Повести временных лет, — однако, как нам представляется, оно по меньшей мере дает нам возможность нового взгляда на суть легенды о призвании варягов, хотя мы никоим образом не можем утверждать, что это взгляд кажется нам единственно верным.

С нашей точки зрения, как для ирландского предания, так и эпизода из ПВЛ ключевой является концепция подобающего, «правильного» правителя. Правильность здесь означает не только соблюдение общественных норм, но и

принципиальная возможность ситуации, когда эти нормы будут соблюдаться. Поскольку и Русь, и Ирландия в рассматриваемый период являются средневековыми обществами со средневековыми представлениями о власти, необходимо предполагать, что институт королевского/княжеского управления должен был иметь в глазах подданных и самих правителей некую сакральную санкцию или хотя бы санкцию традиции. Из сравнения мотивов в рассматриваемых текстах можно как будто бы сделать следующий вывод: в легенде из Повести временных лет речь идет не только, а может быть, и не столько о происхождении княжеской власти (как неоднократно замечали представители «антинорманистского» течения в историографии, институт как таковой должен был сформироваться еще до приглашения варягов), сколько о том, что людям нельзя управлять собой по собственному произволу. Приглашенные варяжские князья являются не «модераторами», призванными упорядочить общественную жизнь славянских племен, а в прямом смысле источниками «правды» — того, без чего упорядоченная общественная жизнь в принципе невозможна. Соглашаясь в Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухиным в том, что предание о призвании варягов можно прочесть как выражение формулы «недостача — ликвидация недостачи», мы тем не менее считаем, что «недостачей» в тексте является не отсутствие института власти как такового, а результат неправильных действий подданных.

Эта сугубо формальная трактовка, хотя она и диктуется самим сюжетом предания, вместе с тем, на первый взгляд, вступает в противоречие с тем, что можно назвать основным содержанием ПВЛ: нет оснований отвергать традиционную точку зрения, которая гласит, что для летописца в первую очередь все же важно возникновение правящей династии. Из этого противоречия, как представляется, можно выйти двумя способами.

Первый способ — отвлечься от анализа литературных параллелей и считать все изложенное в данном разделе ПВЛ отражением исторической правды, не укладывающимся в нарративные схемы.

Второй способ — счесть, что создавая рассказ о династии, летописец

положил в его основание легенду, которая дает для этой династии сакральную санкцию: у варягов и их потомков, в отличие от северных славянских племен, была «правда». Стало быть, они являются подобающими, правильными правителями. По-видимому, именно так устроен параллельный ирландский текст. Разница состоит в том, что если в предисловии к «Завещанию Морана» династийный принцип передачи власти уходит в бесконечность прошлого, то в ПВЛ нарушение и восстановление правильного правления совпало с учреждением династии. Примечательно, однако, что в ирландском тексте, хотя династии и не создаются «с нуля», именно момент восстановления законной власти принимается за генеалогическую точку отсчета.

Как нам представляется, параллельный текст — в полном согласии с изначальным подходом Е.А. Мельниковой и В.Я. Петрухина — показывает, что момент заключения договора между приглашающими народами и приглашенными правителями является *одним из мотивов* общего сюжета. Соответственно, применительно к легенде о призвании варягов нет никаких оснований отделять его как обособленное историческое ядро. Предложенный исследователями тезис — «...обилие в тексте легенды именно правовой лексики и договорных формул свидетельствуют о том, что лежащий в ее основе „ряд“ не только дошел до летописца в изложении не древнерусском языке, но и составлен был скорее всего на древнерусском языке в письменной (что мало вероятно) или устной форме» [Мельникова, Петрухин 1995: 54], — столь же методологически некорректен, как и утверждение, что использование фольклорных мотивов является признаком аутентичности того или иного текста. Если по сюжету летописцу необходимо было *упоминать о заключении договора*, то никоим образом неудивительно, что при этом он использовал соответствующую правовую лексику. В ирландском тексте вассальные племена точно так же дают «поручительство» (*rath*, см. DIL s. v.), однако в мифологическом характере изложенных событий нет никаких сомнений.

Литература

Ип. — Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908.

Лав. — Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1: Повесть временных лет. Л., 1926.

Новг. I — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Мельникова, Петрухин 1995 — *Мельникова Е.А., Петрухин В.Я.* Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 44–57.

Мифы и предания — Мифы и предания средневековой Ирландии. М.: Издательство московского университета, 1991.

Петрухин 1995 — *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск: Русич; Москва: Гнозис. 1995.

DIL — Dictionary of the Irish Language: Based Mainly on Old and Middle Irish Materials. Compact edition. Dublin: R.I.A., 1983.

Hist. — *Venerabilis Baedae Historiam Ecclesiasticam Gentis Anglorum... Recognovit Carolus Plummer.* Oxonii, 1896. (Русский перевод: Беда Достопочтенный. Церковная история народа англо-саксов / Пер. В. Эрлихмана. СПб.: Алетейя, 2003.)

Kehr 1904 — *Widukindi Monachi Corbeiensis Rerum Gestarum Saxoniarum Libri Tres. Editio Quarta. Post Georgium Waitz recognovit Karolus Andreas Kehr.* Hannoverae et Lipsiae, 1904.

Kelly 1976 — *Audacht Morainn* / Ed. F. Kelly. Dublin: DIAS, 1976.

Knott 1936 — *Togail Bruidne Dá Derga* / Ed. E. Knott. Dublin, DIAS, 1936.

Stender-Petersen 1953 — *Stender-Petersen A. Varangica.* Aarhus, 1953.

Thurneysen 1917 — *Thurneysen R. Morands Fürstenspiegel* // *Zeitschrift für Celtische Philologie.* B. 11. 1917. S. 56–106.